DOI: 10.31249/j.2949-2408.2026.02.05
УДК 327

ЯЗЫКОВАЯ ПОЛИТИКА РОССИИ В XXI ВЕКЕ: О ВЛИЯНИИ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ИНСТРУМЕНТА «МЯГКОЙ СИЛЫ» НА РОССИЙСКО-КИТАЙСКИЕ ОТНОШЕНИЯ

ПАНКРАТОВ Сергей Анатольевич
доктор политических наук, профессор, профессор кафедры российской государственности, социологических и политических наук, Институт истории, международных отношений и социальных технологий Волгоградского государственного университета
E-mail: pankratov@volsu.ru
ORCID: 0000-0002-1733-730X

ЧЖОУ Цзиньчжао
аспирант, Институт истории, международных отношений и социальных технологий Волгоградского государственного университета
E-mail: jinzhaozhou@yandex.com
ORCID: 0009-0004-2222-4790

Для цитирования: *Панкратов С.А., Чжоу Ц.* Языковая политика России в XXI веке: о влиянии русского языка как инструмента «мягкой силы» на российско-китайские отношения // Ближний и Постсоветский Восток. – 2026. – № 2 (14). – С. 62–79. – DOI: 10.31249/j.2949-2408.2026.02.05.

Аннотация. В статье рассматривается роль русского языка как действенного инструмента «мягкой силы» Российской Федерации в XXI в. Языковая политика в отношении русского языка анализируется авторами сквозь призму комплекса государственных мер, исследование которых позволяет раскрыть конкретные механизмы реализации российской «мягкой силы» на современном этапе. В центре внимания авторов – трансформация статуса русского языка в контексте стратегического «незападного поворота», в результате которой он приобретает значение языка глобального уровня и рассматривается в качестве неотъемлемого компонента национальной безопасности. В центре исследования – взаимосвязь между функционированием русского языка и формированием образа России, рассматриваемая на материале российско-китайских отношений. В ходе исследования выявлен эффект «порогового уровня интенсивности языковых контактов»: лишь при достижении определенной степени языкового взаимодействия (например, в процессе обучения за рубежом либо в рамках долгосрочного экономиче-

ского сотрудничества) становится возможной существенная коррекция представлений о России в принимающих странах.

Авторами обосновывается тезис о том, что продвижение русского языка усиливает потенциал «мягкой силы» России, оптимизирует ее национальный имидж, способствует углублению взаимодействия с государствами-партнерами и тем самым служит задачам укрепления национальной безопасности.

Ключевые слова: языковая политика, русский язык, инструмент «мягкой силы», российско-китайские отношения, эффект «порогового уровня интенсивности языковых контактов».

Благодарности. Статья подготовлена при финансовой поддержке Китайского совета по стипендиям (CSC) в рамках Программы стипендий для обучения за рубежом (номер свидетельства: 202408230166).

Russia's Language Policy in 21st Century: Influence of Russian Language as Soft Power Instrument on Russia-China Relations

Sergey A. PANKRATOV
DSc in Political Science, Professor of the Department of Russian Statehood, Sociology and Political Science, Institute of History, International Relations and Social Technologies, Volgograd State University
E-mail: pankratov@volsu.ru
ORCID: 0000-0002-1733-730X

Jinzhao ZHOU
Postgraduate Student, Institute of History, International Relations and Social Technologies, Volgograd State University
E-mail: jinzhaozhou@yandex.com
ORCID: 0009-0004-2222-4790

For citation: Pankratov S.A., Zhou J. (2026). Russia's Language Policy in 21st Century: Influence of Russian Language as Soft Power Instrument on Russia-China Relations. *Middle & Post-Soviet East*, no. 2 (14), pp. 62–79. (In Russ.) DOI: 10.31249/j.2949-2408.2026.02.05.

Abstract. The article examines the role of the Russian language as an effective soft power instrument of the Russian Federation in the 21st century. The author analyzes language policy concerning Russian through the prism of a comprehensive set of state measures, the study of which allows for the identification of specific mechanisms for implementing Russian soft power at the present stage. The author focuses on the transformation of the Russian language's status in the context of the strategic "non-Western pivot," because of which it acquires the significance of a global language and is considered an integral component of national security. The study centers on the interrelation between the functioning of the Russian language and the formation of Russia's image, examined through the material of Russian Chinese relations. The research iden-

tifies the “threshold effect of language contact intensity”: only upon achieving a certain degree of linguistic interaction (for example, in the process of studying abroad or within the framework of long-term economic cooperation) does a substantial correction of perceptions about Russia in the host countries become possible.

The author substantiates the thesis that the promotion of the Russian language enhances Russia’s soft power potential, optimizes its national image, facilitates deeper interaction with partner states, and thereby serves the objectives of strengthening national security.

Keywords: language policy, Russian language, soft power instrument, Russian-Chinese relations, threshold effect of language contact intensity.

Acknowledgements. The research was conducted with the financial support of the China Scholarship Council (CSC) under the State Scholarship Fund (Grant No. 202408230166).

Концепция «мягкой силы» (soft power) была впервые предложена Джозефом Наем, который определил ее как способность достигать желаемого через привлекательность и убеждение, а не через принуждение. Согласно Наю, «мягкая сила» проистекает из трех основных ресурсов: культуры (в тех ее проявлениях, которые привлекательны для других), политических ценностей (когда государство придерживается их как внутри страны, так и за рубежом) и внешней политики (когда она воспринимается как легитимная и обладающая моральным авторитетом)[1]. Акцент Ная на «привлекательности» и «легитимности» в определении и описании источников «мягкой силы» раскрывает ключевой механизм и фундаментальную логику действия данной концепции.

В 2013 г. в Концепции внешней политики Российской Федерации проблема «мягкой силы» была впервые сформулирована на государственном уровне. Она определялась как «комплексный инструмент решения внешнеполитических задач с опорой на возможности гражданского общества, информационно-коммуникационные, гуманитарные и другие альтернативные классической дипломатии методы и технологии»[2]. Россия, по сути, предложила собственную реинтерпретацию «мягкой силы», конкретизировав ее источники через публичную дипломатию, информационные технологии, гуманитарные обмены и иные направления. Это свидетельствует о том, что практика применения «мягкой силы» в России изначально отличалась от западной концептуальной модели, демонстрируя специфику в определении ее ресурсной базы.

[1] Nye J.S. Soft power the means to success in world politics. – New York: Public Affairs, 2004. – P. 11.

[2] Концепция внешней политики Российской Федерации. Утверждена Указом Президента Российской Федерации от 12 февраля 2013 г. // Официальные документы России. – 12.02.2013. – URL: https://london.mid.ru/ru/press-centre/gb_ru_fnapr_1364/ (дата обращения: 28.01.2026).

Однако еще до официального введения термина «мягкая сила» в российский внешнеполитический дискурс в 2013 г., Россия уже использовала языковую политику как важнейший инструмент укрепления национального единства. Русский язык выполнял функции инструмента «мягкой силы» задолго до концептуализации этого понятия. Так, в официальных документах 1997 г. русскому языку отводилась ключевая роль в сохранении межнационального согласия внутри России, обеспечении взаимодействия с государствами СНГ и поддержании преемственности российской культуры. Именно тесная взаимосвязь языка и культуры, а также неразрывная связь языка с государственными интересами заложили основу для последующей концептуализации «мягкой силы» в России[3]. В данном контексте М.Р. Авдалян в своем исследовании, посвященном реализации концепции «мягкой силы» в официальных документах, подробно анализирует положения этого указа[4].

Китайские исследователи, изучая российскую «мягкую силу», также отмечают, что укоренившееся в российской национальной культуре после распада СССР чувство «незащищенности» побуждает государство к постоянному сохранению оборонительной готовности. Вследствие этого, как указывает Хуа Сюй, главная цель стратегии «мягкой силы» России сместилась от формирования благоприятной внешней среды и стимулирования развития к обеспечению военных действий и защите национальной безопасности[5]. Подобная трансформация целей существенно расходится с изначальной трактовкой Дж. Ная, где ключевым механизмом выступает именно привлекательность. Российская стратегия «мягкой силы» не следует в фарватере первоначального значения этого понятия, а тесно увязывается с вопросами национальной безопасности и обороны. Это ставит под сомнение ее «мягкость», и в глазах части исследователей российская модель «мягкой силы» уже утратила право так называться, претерпев сущностную трансформацию в процессе уникального стратегического применения.

Россия всегда придавала первостепенное значение статусу русского языка. Выступая в качестве важнейшего инструмента наращивания «мягкой силы», русский язык и политика в его отношении напрямую

[3] Указ Президента РФ от 17.12.1997 № 1300 (ред. от 10.01.2000) «Об утверждении Концепции национальной безопасности Российской Федерации» // Официальный сайт Президента России. – 17.12.1997. – URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/11782/page/1 (дата обращения: 28.01.2026).

[4] Авдалян М.Р. Развитие подходов к реализации концепции «мягкой силы» в доктрине внешней политики России и в положениях стратегических документов // Социально-гуманитарные знания. – 2024. – № 7. – С. 227. – DOI: 10.24412/0869-8120-2024-7-227-230.

[5] Сюй Хуа. Эволюция и проявление российской концепции «мягкой силы» в контексте гибридной войны великих держав = Сюй Хуа. 大国混合战背景下俄罗斯软实力观的演进和展现 // 世界社会主义研究. – Пекин. – 2022. – № 10. – С. 72. – Кит. яз.

влияют на развитие как внутринациональных, так и межгосударственных отношений. В современных условиях, когда проблематика русского языка приобретает все большую актуальность, исследование языковой политики приобретает особую значимость и для понимания процессов формирования внешнеполитического курса страны.

Языковая политика России: русский язык – от национального к глобальному

В XXI в. переломным моментом для российской языковой политики стал 2007 г., ознаменовавшийся созданием конкретных институтов и введением макроконцептуальных подходов, что вывело русский язык с позиции «языка, объединяющего нацию» на мировую арену. Русский язык более не ограничивался пределами Российской Федерации и территорией Содружества Независимых Государств. Благодаря проведению годов языка, конференций, культурному сотрудничеству, организации форумов и деятельности зарубежных организационных комитетов развитие русского языка было институционализировано как самостоятельное направление государственной политики, распространившееся на Европу, США и весь мир[6]. Учрежденный в 2007 г. фонд «Русский мир»[7] и по настоящее время вносит неоценимый вклад в развитие русского языка по всему миру, получая при этом четко обозначенную государственную финансовую поддержку и выступая в качестве ключевой движущей силы продвижения русского языка.

Начиная с этого периода, «мировой статус русского языка» последовательно артикулируется в качестве важнейшей задачи и неоднократно фиксируется в стратегических документах. Русский язык характеризуется как «неотъемлемая часть мировой культуры и инструмент межнационального общения»[8]; ставится задача «укрепления позиций русского языка в мире»[9]; декларируется необходимость «продвижения и укрепления позиций русского языка в мире»; подчеркивается цель «повышения роли России в мировом гуманитарном пространстве, укрепления позиций русского

[6] Внешнеполитическая и дипломатическая деятельность Российской Федерации в 2007 году. Обзор МИД России // Официальный сайт МИД России. – 18.03.2008. – URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1735625/ (дата обращения: 01.02.2026).

[7] Указ Президента Российской Федерации от 21.06.2007 г. № 796 «О создании фонда «Русский мир» // Официальный сайт Президента России. – URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/25689 (дата обращения: 01.02.2026).

[8] Концепция внешней политики Российской Федерации (утв. 12.07.2008 № Пр-1440) // Официальный сайт МИД России. – 12.07.2008. – URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1670707/ (дата обращения: 01.02.2026).

[9] Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2012 г. № 605 «О мерах по реализации внешнеполитического курса Российской Федерации» // Официальный сайт Президента России. – URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/35269 (дата обращения: 02.02.2026).

языка в мире»[10]. Подобные формулировки недвусмысленно переводят русский язык из статуса языка России и средства общения на пространстве СНГ в статус языка мирового значения.

Анализ официальных документов позволяет с уверенностью утверждать, что 2007 г. стал ключевым рубежом, знаменующим кардинальную трансформацию языковой политики России в XXI в. Именно это время служит «водоразделом», после которого русский язык из «национального» окончательно переводится в разряд «мирового», а приоритетные регионы его развития расширяются с территории России и стран СНГ на весь мир. Одновременно с этим формируются институциональные структуры, наделенные государственным мандатом и ответственные за глобальное распространение русского языка.

Данный судьбоносный и стратегический поворот следует рассматривать как своевременную реакцию российского правительства на обострение конкуренции в сфере «мягкой силы» в XXI в. Он знаменует собой стратегическую переориентацию внешнеполитических приоритетов России с регионального на глобальный уровень. В этой связи необходимо особо подчеркнуть, что в цифровую эпоху стремительного распространения информации «мягкая сила», репрезентируемая такими инструментами, как язык, культура и внешняя политика, неизменно опережает «жесткую силу», воплощенную в армии и вооружениях. По мере возрастания роли цифровых медиа, идеи и концепты, не исходящие напрямую от государственных структур, зачастую легче воспринимаются и интериоризируются международным сообществом, становясь значимыми когнитивными ориентирами в формировании образа государства.

Смена вектора языковой политики в контексте стратегического разворота России

Трансформация стратегии национальной безопасности Российской Федерации непосредственно обусловила эволюцию статуса русского языка – от языка национального к языку мирового значения. Сравнительный анализ редакций Стратегии национальной безопасности России за последнее десятилетие свидетельствует о последовательном усилении внимания государства к продвижению языка и словесности: русский язык постепенно возводится в ранг стратегического инструмента. Одновременно с этим «незападный разворот» российской внешней политики выступает катализатором ускоренного распространения русского языка на восточном направлении.

[10] Указ Президента РФ от 31.03.2023 № 229 «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации» // Гарант. – 31.03.2023. – URL: http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/406543869/ (дата обращения: 02.02.2026).

Китайский исследователь Чэнь Юй, сопоставляя редакции Стратегии национальной безопасности России 2015 и 2021 гг., в части, касающейся языка, культуры и «мягкой силы», отмечает, что редакция 2021 г. уделяет повышенное внимание вопросам идеологии и культурной безопасности, «возводя культурно-исторические ценности в ранг “основы государственности” и “фундамента дальнейшего развития страны”»[11]. В сфере внешних связей, как подчеркивает автор, Россия «более не питает иллюзий относительно существенного улучшения отношений с Западом», рассматривая Китай в качестве надежного партнера[12].

В свою очередь, К.В. Алексеев, анализируя проблематику русского языка как объекта национальной безопасности Российской Федерации, приходит к выводу, что русский язык интегрирован в систему обеспечения всех трех базовых объектов безопасности (безопасности личности, общественной безопасности и национальной безопасности)[13]. Приведенные положения демонстрируют высокий статус русского языка на уровне национальной стратегии, где его значимость раскрывается через призму безопасности личности, общества и государства.

В 2025 г. российским руководством был принят документ стратегического планирования «Об утверждении Основ государственной языковой политики Российской Федерации»[14]. В данном указе русский язык квалифицируется уже не иначе как национальный стратегический инструмент, призванный обеспечивать сохранение национальной безопасности и укреплять позиции России в мировом гуманитарном пространстве. Этот документ поднимает статус русского языка на беспрецедентную высоту, четко артикулируя значимость государственной языковой политики. Особого внимания заслуживает включенное в текст указа положение о «распространении русского языка в сети Интернет», что свидетельствует о растущем внимании официальных структур к цифровым каналам трансляции «мягкой силы». Тем самым задается вектор на цифровизацию и информатизацию языкового развития, что в перспективе предполагает неразрывную связь реализации языковой политики с интернет-пространством, а

[11] Чэнь Юй. Стратегические тенденции России в свете новой редакции «Стратегии национальной безопасности» = Чэнь Юй. 从俄新版《国家安全战略》看其战略走向 // 现代国际关系. – Пекин. – 2021. – № 10. – С. 31. – Кит. яз.

[12] Чэнь Юй. Стратегические тенденции России в свете новой редакции «Стратегии национальной безопасности» = Чэнь Юй. 从俄新版《国家安全战略》看其战略走向 // 现代国际关系. – Пекин. – 2021. – № 10. – С. 36. – Кит. яз.

[13] Алексеев К.В. Русский язык как объект национальной безопасности Российской Федерации // Транспортное право и безопасность. – 2021. – № 4. – С. 297.

[14] Указ Президента Российской Федерации от 11.07.2025 г. № 474 «Об утверждении Основ государственной языковой политики Российской Федерации» // Официальный сайт Президента России. – 11.07.2025. – URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/52143/page/1 (дата обращения: 03.02.2026).

также с вопросами цифровой безопасности и развития технологий искусственного интеллекта.

Трансформация русского языка из национального в мировой язык протекает в высокой степени синхронно с ценностным и «незападным» разворотом в стратегии национальной безопасности России. Данное концептуальное единство стратегического курса и языковой политики подтверждает, что русский язык конституировался в качестве действенного инструмента реализации российской «мягкой силы», защиты культурного суверенитета и формирования «незападного» пояса сотрудничества. В контексте реализации данной «незападной» стратегии партнерства особого внимания заслуживает динамика языковых и культурных обменов между Россией и Китаем.

Развитие русского языка и «мягкой силы» России в Китае

«Незападный разворот» в стратегии национальной безопасности России во многом обусловлен «охлаждением» отношений с традиционными западными странами. Согласно ежегодному отчету фонда «Русский мир» о деятельности по продвижению и популяризации русского языка за 2024 г., организация прекратила сотрудничество с рядом стран Европейского региона[15]. Данные исследовательского центра Pew Research Center (2025) также показательны: в 25 опрошенных странах (включая США, государства Европы, Японию, Южную Корею и др.) медианный показатель негативного восприятия России составляет 79%[16]. В подобных внешнеполитических и информационных условиях эффективность политики продвижения русского языка может сталкиваться с определенными ограничениями.

В сознании китайской общественности образ России все более утверждается как «заслуживающий доверия» и «надежный». Согласно опросу общественного мнения по вопросам российско-китайских отношений, проведенному в 2021 г. Обществом китайско-российской дружбы, мира и развития, «респонденты из Китая дали высокую оценку внешнеполитической деятельности России – 89,3 балла (средневзвешенная оценка, максимальный балл = 100)». Более того, «свыше 91% опрошенных в России и более 98% в Китае выразили уверенность и ожидания относительно дальнейшего углубления двусторонних отношений. 72,6% респондентов в России и 87% в Китае полагают, что нашим странам следует и далее

[15] Отчет о деятельности фонда «Русский мир» по продвижению и популяризации русского языка в 2024 г. // Фонд «Русский мир». – 2025. – URL: https://russkiymir.ru/fund/docs/report2024.pdf (дата обращения: 08.02.2026).

[16] Fagan M., Gubbala S., Poushter J. Views of Russia and Putin // Pew Research Center. – 23.06.2025. – URL: https://www.pewresearch.org/global/2025/06/23/views-of-russia-and-putin-2025/ (дата обращения: 06.02.2026).

укреплять всестороннее стратегическое взаимодействие». Добрососедские отношения также находят отражение в межличностных контактах: подавляющее большинство респондентов в обеих странах приветствуют и позитивно относятся к гражданам партнера, обучающимся или работающим в их стране; доля отвергающих крайне мала (0,5% в Китае и 4,6% в России)[17].

По мере реализации инициативы «Один пояс, один путь» и углубления многопланового сотрудничества между Китаем и Россией сфера применения русского языка в Китае расширяется, а его статус повышается: «русский язык является одним из наиболее используемых языков в странах – участницах совместного строительства “Пояса и пути”, а также вторым по частоте использования иностранным языком в китайской научно-исследовательской деятельности (после английского)»[18].

В докладе «Представления китайцев о международной безопасности (2025)», опубликованном Центром по стратегии и безопасности при Университете Цинхуа, на основе сравнения данных об уровне симпатии с 2023 по 2025 г. отмечается: «наиболее высокий уровень симпатии респондентов к России… сохраняется вне зависимости от города проживания или уровня образования опрошенных». Это вновь подтверждает, что в глазах подавляющего большинства китайцев Россия является надежной и дружественной страной, а ее национальный имидж оценивается как позитивный. Кроме того, результаты исследования показывают: «восприятие других стран респондентами в значительной степени зависит от медийных каналов. При этом 80,55% опрошенных получают информацию через новостные репортажи СМИ, а 69,65% полагаются на социальные медиа»[19].

Приведенные выше данные свидетельствуют о том, что Россия сформировала в Китае благоприятный образ государства. Улучшение этого образа находит свое отражение в расширении масштабов использования русского языка, культурной трансляции через медиа и других аспектах, а также укрепляет уверенность китайской общественности в российско-китайском сотрудничестве. Улучшение национального имиджа является

[17] «Как оценивают народы друг друга? Опубликован отчет об опросе общественного мнения об отношениях Китая и России» = 《怎样评价对方人民？中俄关系民意调查报告发布》 // Пекинский ежедневник. – 28.01.2022. – Кит. яз. – URL: https://xinwen.bjd.com.cn/content/s61f3bd17e4b0d8f946f15da6.html (дата обращения: 06.02.2026).

[18] Доу Кэюнь, Чжан Цзиньхуэй, Сун Хуэй. Текущее состояние преподавания русского языка как общеуниверситетского предмета и предложения по его улучшению = Доу Кэюнь, Чжан Цзиньхуэй, Сун Хуэй. 大学公共俄语教学现状与教学改进建议 // 中国俄语教学. – Пекин. – 2024. – № 2. – С. 94. – Кит. яз.

[19] Отчет об опросе общественного мнения за 2025 год: представления китайцев о международной безопасности = 中国人的国际安全观 // Исследовательский центр по стратегии и безопасности при Университете Цинхуа. – 2025. – Кит. яз. – URL: https://ciss.tsinghua.edu.cn/upload_files/atta/1767147852386_02.pdf (дата обращения: 09.02.2026).

одним из проявлений действия «мягкой силы». Основываясь на вышеописанных явлениях, можно выдвинуть гипотезу о том, что русский язык выступает в качестве инструмента «мягкой силы», реализуя в Китае «путь прямого контакта» (прямой канал воздействия).

Данный подход нацелен на исследование системного восприятия России, формирующегося у изучающих русский язык в процессе его освоения. В последующем изложении, с индивидуальной и региональной перспективы, рассматривается внутренняя взаимосвязь между русским языком и улучшением образа России.

На индивидуальном уровне в данном исследовании выдвигается следующая гипотеза: существует положительная корреляция между «индивидуальным контактом с русским языком» и «формированием позитивного образа России». Независимо от уровня владения языком, китайские студенты в России неизбежно используют русский язык для повседневного общения и учебы. Изучение отношения этой группы к России является прямым доказательством связи между русским языком и улучшением образа страны. В своем исследовании «мягкой силы» в Центральной Азии В.О. Кротков отмечает: «Это все достигается через образовательную, культурную, гуманитарную, информационную сферы. Очевидно, что самым главным объектом для применения мягкой силы является молодое поколение, как группа, за которой будущее, если говорить в темпоральном контексте»[20], доказывая, что применение «мягкой силы» в образовательной сфере и среди молодого поколения является важным и необходимым. Се Чжоу и Чжан Юньи провели когнитивное исследование образа России среди китайских студентов в России по пяти измерениям: политическому, экономическому, культурному, социальному и туристическому. Измерение проводилось по пятибалльной шкале Лайкерта, а в качестве эталонного значения для проверки использовалось среднее значение шкалы, равное 3. Результаты анализа данных показали: «средняя оценка восприятия образа России китайскими студентами в России составила 3,60, что выше среднего значения 3, свидетельствуя о хорошем общем восприятии образа России». Более того, исследование выявило, что «контакт с русским языком способен корректировать некоторые аспекты восприятия России»[21]. Эти данные подтверждают, что контакт с русским языком оказывает положительное влияние на улучшение образа России. Е.И. Гончарова, сравнивая впечатления иностранных студентов о России до и после про-

[20] Кротков В.О. «Мягкая сила» в среднеазиатском регионе: общие контуры баланса сил // Ближний и Постсоветский Восток. – 2023. – № 4 (4). – С. 11. – DOI: 10.31249/j.2949-2408.2023.04.01.

[21] Се Чжоу, Чжан Юньи. Эмпирическое исследование восприятия образа России китайскими студентами в России в новейший период = Се Чжоу, Чжан Юньи. 新时期在俄中国留学生对俄罗斯形象认知的实证研究 // 辽宁师范大学学报. – Далянь. – 2025. – № 5. – С. 113. – Кит. яз.

хождения курса обучения русскому языку, приходит к выводу, что в процессе преподавания русского языка как иностранного необходимо формировать позитивный образ России у иностранных учащихся. Это способствует изучению языка и углублению понимания российского народа[22]. Результаты данного исследования косвенно подтверждают глубинную связь между русским языком и национальным имиджем России.

На региональном уровне исследование исходит из гипотезы: «Регионы с высокой интенсивностью контактов с русским языком демонстрируют более высокую активность в сотрудничестве с Россией». Северо-Восточный Китай является ключевым регионом и стратегическим форпостом для реализации многопланового сотрудничества с Россией. Данное взаимодействие уходит корнями в естественные преимущества географической близости, постоянно углубляется и расширяется под влиянием сопряжения стратегий двух стран. В этом контексте изучение русского языка в данном регионе отличается более широким охватом и более глубоким уровнем. Провинция Хэйлунцзян выступает центром образовательного сотрудничества с Россией и важнейшим регионом для изучения русского языка. Базирующаяся в Харбине «Ассоциация школ-партнеров Россия – Китай» уже объединила более 140 школ-участниц по всей стране; такие вузы, как Хэйлунцзянский университет, совместно с ведущими российскими учебными заведениями создали интегрированные системы подготовки кадров, охватывающие программы бакалавриата, магистратуры и аспирантуры. Провинция Хэйлунцзян, делающая акцент на значительном образовательном сотрудничестве и изучении русского языка, представляет собой контраст с другими провинциями Северо-Востока. Исследование степени вовлеченности провинции Хэйлунцзян в сотрудничество с Россией способно косвенно подтвердить гипотезу: «Регионы с высокой интенсивностью контактов с русским языком демонстрируют более высокую активность в сотрудничестве с Россией». В связи с этим, учитывая такие аспекты, как экономические и торговые связи, географический фактор и образовательную деятельность, представляется целесообразным провести следующий анализ данных.

[22] Гончарова Е.И. Анализ словесного образа России и россиян в процессе преподавания РКИ // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2024. – № 1. – С. 148. – DOI: 10.20310/1810-0201-2024-29-1-143-150.

Таблица 1

Корреляции степени вовлеченности китайских провинций в сотрудничество с Россией и интенсивности контактов с русским языком, десятки тыс. юаней

Сравнительная категория	**Провинция Хэйлунцзян**		**Провинция Цзилинь**		**Провинция Ляонин**	
Объем импорта и экспорта с Россией	2024 г.[23]	2025 г.[24]	2024 г.[25]	2025 г.[26]	2024 г.[27]	2025 г.[28]
	23,412163 (рост на 11,2%)	23,849476 (рост на 1,9%)	2,720675 (снижение на 8,5%)	2,928919 (рост на 7,6%)	3,773 (снижение на 31,3%)	3,872 (рост на 2,7%)
Количество вузов с программами по русскому языку	Более 20 вузов[29]		14 вузов[30]		8 вузов[31]	
Основные сферы занятости для специалистов	Приграничная торговля, логистика с Россией,		Торговля сельхоз-продукцией, экспорт автокомпонентов, транс-		Экспорт машиностроительной продукции, энергетические проекты,	

[23] Ежемесячный бюллетень экспорта и импорта провинции Хэйлунцзян за декабрь 2024 года (в жэньминьби) = 2024年12月黑龙江省进出口月报（人民币值）// Харбинская таможня КНР. – 18.02.2025. – Кит. яз.

[24] Ежемесячный бюллетень экспорта и импорта провинции Хэйлунцзян за декабрь 2025 года (в жэньминьби) = 2025年12月黑龙江省进出口月报（人民币值）// Харбинская таможня КНР. – 21.01.2026. – Кит. яз.

[25] Таблица общего объема экспорта и импорта за январь – декабрь 2024 года всеми предприятиями провинции Цзилинь по регионам (в жэньминьби) = 2024年01–12月吉林省进出口统计报表 // Чанчуньская таможня КНР. – 20.01.2025. – Кит. яз.

[26] Таблица общего объема экспорта и импорта за январь – декабрь 2025 года всеми предприятиями провинции Цзилинь по регионам (в жэньминьби) = 2025年01–12月吉林省进出口统计报表 // Чанчуньская таможня КНР. – 18.01.2026. – Кит. яз.

[27] Экспорт и импорт провинции Ляонин по странам и регионам за декабрь 2024 года (в жэньминьби) = 2024年12月辽宁省进出口国家和地区（人民币值）// Шэньянская таможня КНР. – 21.01.2025. – Кит. яз.

[28] Экспорт и импорт провинции Ляонин по странам и регионам за декабрь 2025 года (в жэньминьби) = 2025年12月辽宁省进出口国家和地区（人民币值）// Шэньянская таможня КНР. – 22.01.2026. – Кит. яз.

[29] У Чжэ, Лю Ян, Чэнь Вэй и др. Отчет об исследовании состояния преподавания русского языка в вузах провинции Хэйлунцзян = У Чжэ, Лю Ян, Чэнь Вэй и др. 黑龙江省高校俄语专业教育教学情况调查报告 // 中国俄语教学. – 2009. – № 3. – С. 88. – Кит. яз.

[30] Лу Чуньюэ. Проблемы и пути решения преподавания русского языка на бакалавриате в вузах в контексте инициативы «Один пояс, один путь» (на примере вузов провинции Цзилинь) = Лу Чуньюэ. 一带一路背景下高校本科俄语专业教学面临的困境与解决路径（以吉林省高校为例）// 中国俄语教学. – Пекин. – 2019. – № 4. – С. 79. – Кит. яз.

[31] Ван Дэу. Исследование по вопросу «нулевого разрыва» в трудоустройстве выпускников вузов Ляонина, обучавшихся по специальности «Русский язык», для обслуживания старых промышленных баз = Ван Дэу. 辽宁俄语专业大学毕业生服务老工业基地零对接研究 // Вестник Шэньянского педагогического университета (Серия общественных наук). – Шэньян. – 2012. – № 1. – С. 144. – Кит. яз.

Сравнительная категория	**Провинция Хэйлунцзян**	**Провинция Цзилинь**	**Провинция Ляонин**
со знанием русского языка (наиболее востребованные)	туристические услуги[32]	граничная электронная коммерция[33]	морская логистика, международное коммерческое право[34]
Ситуация с кадрами, владеющими русским языком[35]	Низкая активность, отток кадров	Средняя активность	Высокая активность, приток кадров
Протяженность границы с Россией	Около 3038 км[36]	Около 232,7 км[37]	–

Источник: составлено автором.

Приведенные данные свидетельствуют о том, что условие «высокой степени контакта с русским языком» не тождественно ни «большому количеству вузов, открывших специальность “Русский язык” в данном регионе», ни «значительной протяженности географической границы с Россией». Понятие «степень контакта с русским языком» следует рассматривать как динамическую категорию, учитывающую мобильность и субъектность специалистов, владеющих русским языком, а также региональный политический контекст. Введение фактора «образовательной деятель-

[32] 2,76 миллиона въездных и выездных туристов как свидетельство! Строительство пунктов пропуска в провинции Хэйлунцзян знаменует высокие результаты политики открытости на Север = 276万出入境游客见证！黑龙江省口岸建设书写北向开放高分答卷 // 论头新闻. – 16.01.2026. – Кит. яз.

[33] Цзилинь: создание важного окна открытости на север в рамках «Одного пояса, одного пути», формирование новой экономической системы открытого типа более высокого уровня = 吉林:打造“一带一路”向北开放重要窗口, 建设更高水平开放型经济新体制 // Вести Цзилинь. – 08.08.2025. – Кит. яз.

[34] Ответ на предложение № 1431307 третьей сессии провинциального собрания народных представителей 14-го созыва «О решительном продвижении строительства Шэньяна как международного центрального города Северо-Восточной Азии и всестороннем повышении уровня открытости провинции внешнему миру» = 对省十四届人大三次会议《关于大力推进沈阳东北亚国际化中心城市建设, 全面提升我省对外开放水平的建议》（第1431307号）的答复 // Департамент коммерции провинции Ляонин. – 14.01.2026. – Кит. яз.

[35] Почему эти молодые люди решили вернуться на Северо-Восток = 这些年轻人为何选择回到东北 // Народное правительство провинции Ляонин. – 24.07.2024. – Кит. яз.

[36] Предложения по дальнейшему повышению и реализации статуса и роли провинции Хэйлунцзян в стратегической структуре приграничной открытости Китая по отношению к России = 关于进一步提升和发挥黑龙江省在我国对俄沿边开放战略格局中地位和作用的建议 // Провинциальный комитет Миньмэн (Китайской демократической лиги) провинции Хэйлунцзян. – 2013. – Кит. яз.

[37] Общие сведения о провинции Цзилинь = 吉林省概况 // Народное правительство провинции Цзилинь. – 2019. – Кит. яз. – URL: https://fdi.mofcom.gov.cn/resource/pdf/2019/12/28/ef8b7669109d4258babbcf70614319d5.pdf (дата обращения: 23.02.2026).

ности» и сопоставление данных демонстрируют необходимость уделять первостепенное внимание подготовке профессиональных, высококвалифицированных кадров со знанием русского языка. Именно такие специалисты способны приносить большую экономическую отдачу в регионах, где они в итоге выбирают место работы, причем эта отдача слабо коррелирует с географическим фактором. Вышеуказанные данные доказывают, что путь от «контакта с русским языком» до «проявления активности в сотрудничестве» является длительным процессом. По крайней мере, на уровне генерации экономического эффекта, специалисту, владеющему русским языком на уровне, достаточном для решения сложных профессиональных задач, требуется больше времени на его изучение, что также способствует формированию у него более глубокого понимания России.

* * *

С начала XXI в. Россия столкнулась с необходимостью трансформации стратегии национальной безопасности. Инструменты «мягкой силы», репрезентируемые, в частности, языком, были выдвинуты на уровень приоритетных задач обеспечения национальной безопасности. В условиях усложняющейся международной обстановки российское руководство вынуждено пересматривать подходы к взаимодействию с Западом, уделяя все большее внимание укреплению связей с миром в целом и углублению сотрудничества с восточными партнерами в частности. В данном контексте русский язык вновь обрел ключевое значение, пройдя путь от языка национального до языка мирового значения. В государствах – стратегических партнерах он выполняет функцию улучшения национального имиджа России и укрепления доверия общественности к двусторонним отношениям, что в определенной степени способствует углублению межгосударственных связей и даже создает благоприятную основу для последующего расширения сотрудничества.

В ходе исследования выявлен эффект «порога интенсивности контактов» в действии русского языка как инструмента «мягкой силы»: только при достижении определенного уровня языкового взаимодействия (например, в процессе обучения за рубежом или долгосрочного экономического сотрудничества) становится возможной существенная коррекция восприятия страны-объекта. Рассмотрение Россией языка в качестве важной составляющей национальной безопасности свидетельствует, с одной стороны, о высокой чувствительности государства к вопросам безопасности, а с другой – о его решимости обеспечивать таковую. В этих условиях повышение «национального имиджа» в других странах способствует укреплению национальной безопасности России, получению внешней поддержки, а также позволяет стране более эффективно доносить свою позицию на международной арене и играть более активную роль в мировых делах.

Список источников и литературы

1. Авдалян М.Р. Развитие подходов к реализации концепции «мягкой силы» в доктрине внешней политики России и в положениях стратегических документов // Социально-гуманитарные знания. – 2024. – № 7. – С. 227–230. DOI: 10.24412/0869-8120-2024-7-227-230.
2. Алексеев К.В. Русский язык как объект национальной безопасности Российской Федерации // Транспортное право и безопасность. – 2021. – № 4. – С. 295–308.
3. Внешнеполитическая и дипломатическая деятельность Российской Федерации в 2007 году. Обзор МИД России // Официальный сайт МИД России. – 18.03.2008. – URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1735625/ (дата обращения: 01.02.2026).
4. Гончарова Е.И. Анализ словесного образа России и россиян в процессе преподавания РКИ // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2024. – № 1. – С. 143–150. – DOI: 10.20310/1810-0201-2024-29-1-143-150.
5. Концепция внешней политики Российской Федерации (утв. 12.07.2008 № Пр-1440) // Официальный сайт МИД России. – 12.07.2008. – URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1670707/ (дата обращения: 01.02.2026).
6. Концепция внешней политики Российской Федерации. Утверждена Указом Президента Российской Федерации от 12 февраля 2013 г. // Официальный сайт МИД России. – 12.02.2013. – URL: https://london.mid.ru/ru/press-centre/gb_ru_fnapr_1364/ (дата обращения: 28.01.2026).
7. Кротков В.О. «Мягкая сила» в среднеазиатском регионе: общие контуры баланса сил // Ближний и Постсоветский Восток. – 2023. – № 4 (4). – С. 7–17. – DOI: 10.31249/j.2949-2408.2023.04.01.
8. Отчет о деятельности фонда «Русский мир» по продвижению и популяризации русского языка в 2024 г. // Фонд «Русский мир». – 2025. – URL: https://russkiymir.ru/fund/docs/report2024.pdf (дата обращения: 08.02.2026).
9. Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2012 г. № 605 «О мерах по реализации внешнеполитического курса Российской Федерации» // Официальный сайт Президента России. – 07.05.2012. – URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/35269 (дата обращения: 02.02.2026).
10. Указ Президента Российской Федерации от 11.07.2025 г. № 474 «Об утверждении Основ государственной языковой политики Российской Федерации» // Официальный сайт Президента России. – 11.07.2025. – URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/52143/page/1 (дата обращения: 03.02.2026).
11. Указ Президента Российской Федерации от 21.06.2007 г. № 796 «О создании фонда «Русский мир» // Официальный сайт Президента России. – 21.06.2007. – URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/25689 (дата обращения: 01.02.2026).
12. Указ Президента РФ от 17.12.1997 № 1300 (ред. от 10.01.2000) «Об утверждении Концепции национальной безопасности Российской Федерации» // Офи-

циальный сайт Президента России. – 17.12.1997. – URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/11782/page/1 (дата обращения: 28.01.2026).
13. Указ Президента РФ от 31.03.2023 № 229 «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации» // Гарант. – 31.03.2023. – URL: http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/406543869/ (дата обращения: 02.02.2026).
14. Fagan M., Gubbala S., Poushter J. Views of Russia and Putin // Pew Research Center. – 23.06.2025. – URL: https://www.pewresearch.org/global/2025/06/23/views-of-russia-and-putin-2025/ (дата обращения: 06.02.2026).
15. Nye J.S. Soft power the means to success in world politics. – New York: Public Affairs, 2004. – 191 p.
16. Ван Дэу. Исследование по вопросу «нулевого разрыва» в трудоустройстве выпускников вузов Ляонина, обучавшихся по специальности «Русский язык», для обслуживания старых промышленных баз = Ван Дэу. 辽宁俄语专业大学毕业生服务老工业基地零对接研究 // Вестник Шэньянского педагогического университета (Серия общественных наук). – Шэньян. – 2012. – № 1. – С. 144–145. – Кит. яз.
17. Доу Кэюнь, Чжан Цзиньхуэй, Сун Хуэй. Текущее состояние преподавания русского языка как общеуниверситетского предмета и предложения по его улучшению = Доу Кэюнь, Чжан Цзиньхуэй, Сун Хуэй. 大学公共俄语教学现状与教学改进建议 // 中国俄语教学. – Пекин. – 2024. – № 2. – С. 89–95. – Кит. яз.
18. Ежемесячный бюллетень экспорта и импорта провинции Хэйлунцзян за декабрь 2024 года (в жэньминьби) = 2024年12月黑龙江省进出口月报（人民币值）// Харбинская таможня КНР. – 18.02.2025. – Кит. яз.
19. Ежемесячный бюллетень экспорта и импорта провинции Хэйлунцзян за декабрь 2025 года (в жэньминьби) = 2025年12月黑龙江省进出口月报（人民币值）// Харбинская таможня КНР. – 21.01.2026. – Кит. яз.
20. «Как оценивают народы друг друга? Опубликован отчет об опросе общественного мнения об отношениях Китая и России» = 《怎样评价对方人民？中俄关系民意调查报告发布》// Пекинский ежедневник. – 28.01.2022. – Кит. яз.
21. Лу Чуньюэ. Проблемы и пути решения преподавания русского языка на бакалавриате в вузах в контексте инициативы «Один пояс, один путь» (на примере вузов провинции Цзилинь) = Лу Чуньюэ. 一带一路背景下高校本科俄语专业教学面临的困境与解决路径（以吉林省高校为例）// 中国俄语教学. – Пекин. – 2019. – № 4. – С. 77–83. – Кит. яз.
22. Общие сведения о провинции Цзилинь = 吉林省概况 // Народное правительство провинции Цзилинь. – 2019. – Кит. яз. – URL: https://fdi.mofcom.gov.cn/resource/pdf/2019/12/28/ef8b7669109d4258babbcf70614319d5.pdf (дата обращения: 23.02.2026).
23. Ответ на предложение № 1431307 третьей сессии провинциального собрания народных представителей 14-го созыва «О решительном продвижении строительства Шэньяна как международного центрального города Северо-Восточной Азии и всестороннем повышении уровня открытости провинции

внешнему миру» = 对省十四届人大三次会议《关于大力推进沈阳东北亚国际化中心城市建设，全面提升我省对外开放水平的建议》（第1431307号）的答复 // Департамент коммерции провинции Ляонин. – 14.01.2026. – Кит. яз.

24. Отчет об опросе общественного мнения за 2025 год: представления китайцев о международной безопасности = 中国人的国际安全观 // Исследовательский центр по стратегии и безопасности при Университете Цинхуа. – 2025. – Кит. яз.
25. Почему эти молодые люди решили вернуться на Северо-Восток = 这些年轻人为何选择回到东北 // Народное правительство провинции Ляонин. – 24.07.2024. – Кит. яз.
26. Предложения по дальнейшему повышению и реализации статуса и роли провинции Хэйлунцзян в стратегической структуре приграничной открытости Китая по отношению к России = 关于进一步提升和发挥黑龙江省在我国对俄沿边开放战略格局中地位和作用的建议 // Провинциальный комитет Миньмэн (Китайской демократической лиги) провинции Хэйлунцзян. – 2013. – Кит. яз.
27. Се Чжоу, Чжан Юньи. Эмпирическое исследование восприятия образа России китайскими студентами в России в новейший период = Се Чжоу, Чжан Юньи. 新时期在俄中国留学生对俄罗斯形象认知的实证研究 // 辽宁师范大学学报. – Далянь. – 2025. – № 5. – С. 111–119. – Кит. яз.
28. Сюй Хуа. Эволюция и проявление российской концепции «мягкой силы» в контексте гибридной войны великих держав = Сюй Хуа. 大国混合战背景下俄罗斯软实力观的演进和展现 // 世界社会主义研究. – Пекин. – 2022. – № 10. – С. 69–79+119. – Кит. яз.
29. Таблица общего объема экспорта и импорта за январь – декабрь 2024 года всеми предприятиями провинции Цзилинь по регионам (в жэньминьби) = 2024年01–12月吉林省进出口统计报表 // Чанчуньская таможня КНР. – 20.01.2025. – Кит. яз.
30. Таблица общего объема экспорта и импорта за январь – декабрь 2025 года всеми предприятиями провинции Цзилинь по регионам (в жэньминьби) = 2025年01–12月吉林省进出口统计报表 // Чанчуньская таможня КНР. – 18.01.2026. – Кит. яз.
31. У Чжэ, Лю Ян, Чэнь Вэй и др. Отчет об исследовании состояния преподавания русского языка в вузах провинции Хэйлунцзян = У Чжэ, Лю Ян, Чэнь Вэй и др. 黑龙江省高校俄语专业教育教学情况调查报告 // 中国俄语教学. – 2009. – № 3. – С. 88–91. – Кит. яз.
32. Цзилинь: создание важного окна открытости на север в рамках «Одного пояса, одного пути», формирование новой экономической системы открытого типа более высокого уровня = 吉林：打造“一带一路”向北开放重要窗口，建设更高水平开放型经济新体制 // Вести Цзилинь. – 08.08.2025. – Кит. яз.
33. Чэнь Юй. Стратегические тенденции России в свете новой редакции «Стратегии национальной безопасности» = Чэнь Юй. 从俄新版《国家安全战略》看其战略走向 // 现代国际关系. – Пекин. – 2021. – № 10. – С. 29–36. – Кит. яз.

34. Экспорт и импорт провинции Ляонин по странам и регионам за декабрь 2024 года (в жэньминьби) = 2024年12月辽宁省进出口国家和地区（人民币值）// Шэньянская таможня КНР. – 21.01.2025. – Кит. яз.
35. Экспорт и импорт провинции Ляонин по странам и регионам за декабрь 2025 года (в жэньминьби) = 2025年12月辽宁省进出口国家和地区（人民币值）// Шэньянская таможня КНР. – 22.01.2026. – Кит. яз.
36. 2,76 миллиона въездных и выездных туристов как свидетельство! Строительство пунктов пропуска в провинции Хэйлунцзян знаменует высокие результаты политики открытости на Север = 276万出入境游客见证！黑龙江省口岸建设书写北向开放高分答卷 // 论头新闻. – 16.01.2026. – Кит. яз.